

МАЛЕНЬКИЕ ШАЛОСТИ ПРИМАДОННЫ

иронический детектив

Дарья Калинина

Дарья Александровна Калинина
Маленькие шалости
примадонны
Серия «Иронический
детектив Дарьи Калининой»
Серия «Сыщики Серафима и
Арсений на тропе любви», книга 8

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69865333
Маленькие шалости примадонны: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-193861-1*

Аннотация

В кои-то веки Фима выбралась в театр на оперу «Волшебная флейта». Компанию ей составил двоюродный брат Семен. Родственнику требовалась поддержка после тяжелого развода. Во время антракта Сема познакомился с актрисой Алечкой, а на следующий день ее и Сему обвинили в убийстве ведущей оперной дивы. Теперь спасти брата и актрису могут только Фима и следователь Арсений, в которого она влюблена. Вместе они найдут настоящего преступника...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	41
Глава 4	56
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Дарья Александровна Калинина Маленькие шалости примадонны

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Калинина Д. А., 2023

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2023

Глава 1

Театр! Сколько трепетного волнения кроется в одном этом слове.

Фима крутилась перед огромным, от самого пола и до потолка, зеркалом и думала о том, как ей повезло в жизни. Когда-то в этом зеркале отражались княгини в вечерних платьях, отделанных брильянтами и украшенными драгоценной вышивкой. Графини с высокими прическами, украшенными живыми цветами и перьями райских птиц, ценившимися наравне с ювелирными украшениями. И вся прочая высококордная публика, которая посещала этот театр в прежние времена, она тоже отражалась в этом же самом зеркале. Это было приятно и вроде как ставило Фиму на одну доску с ними.

– Подумать только, – прошептала она, беря своего спутника под локоть и отводя его в сторону, – по этому полу ходили ноги самых известных людей. Может, даже сам Кутузов ступал по этим половицам или Багратион.

– И что?

– А теперь по тому же самому полу ходим мы с тобой. Разве это не замечательно, что мы с тобой очень даже запросто топчемся там, где ходили сами Романовы! Может быть, след в след им попадаем! Вот ты сейчас на паркете стоишь и ни о чем не думаешь, а раньше на этом самом месте стоял император! – И, критически оглядев спутника, добавила: –

Ну или великий князь, на худой конец.

Но, увы, спутник полет фантазии Фимы не поддержал. Сопровождающий ей попался на редкость скучный. Он не хотел ничего воображать. Совершенно! Редкостный зануда! Но родственников, как известно, не выбирают. Что свыше дали, с тем и живем.

Сегодня в театре девушка оказалась с Семой, своим двоюродным братом. Ни красотой, ни природным обаянием, ни чувством юмора этого ее кузена природа не наделила. Был он человеком нудным. Папа называл его «наш кот Баюн», имея в виду, что Сема способен заговорить до смерти любого, кто согласится его слушать.

В связи с этой нудностью Сему буквально совсем недавно бросила его жена. Родня этого поступка не одобрила. Не то чтобы все обожали Регину, совсем даже наоборот, но, как выразилась одна из тетюшек: «Если бы Семочка сам бросил эту дрянь, тогда дело другое, тогда я обеими руками за, а так мне обидно». И теперь, по мнению обожающей его родни, их дорогой Семочка отчаянно нуждался в утешении. Хотя спросить Фиму, так она бы сказала, если в чем Сема и нуждается, так это в толике веселого безразличия и капле снисхождения к недостаткам и слабостям других людей.

Конечно, никто из родни мнением Фимы не поинтересовался. Отвлекать Сему от его печальных мыслей пытались всем дружным семейным коллективом.

Сегодня эта честь выпала на долю Фимы. Она и пыталась

развлечь спутника, но чем дольше она общалась с кузеном, тем отчетливей чувствовала, что ни в каком утешении он не нуждается. И если уж кого и можно было пожалеть, то это жену Семена, которая продержалась с этим занудой почти полгода, прежде чем набраться духу и сбежать от него.

– Какие еще Романовы! – с неудовольствием пробормотал Сема. – Что ты выдумываешь все время! Фантазерка!

Кузен возвышенных порывов Фимы разделить не пожелал, он был человеком сугубо практического склада ума и тут же объяснил глупенькой сестренке, что последний ремонт начисто лишил театр всякой возможности лично соприкоснуться с частичкой истории. Пол в театре был полностью заменен, вплоть до перекрытий, и ни одна лакированная половица в нем нынче не может помнить на себе тяжести кого-нибудь из представителей царской династии, дворянства или того же купечества. Про зеркала и говорить было нечего. Все они были свеженькими, новенькими и помнили лишь тех рабочих, которые принесли и установили их тут.

– Так что смирись, никаких графов и баронов ты тут не увидишь. И по их следам не потопчешься.

И все же Фима была довольна, что выбралась в театр. Со всем скоро они будут слушать «Волшебную флейту» Моцарта, и это была одна из самых любимых ее опер. Да еще и места в театре им достались совершенно изумительные. За такие места при другом раскладе пришлось бы отвалить немаленькую сумму в кассах театра. Но Семену, как пострадав-

шему при разводе, вся родня помогала, чем только могла. И тетя Альбина, служащая в театре бухгалтером, достала контрамарки в служебную ложу, которые торжественно преподнесла любимому несчастному племяннику.

– Сейчас как раз масленичная неделя идет, сам Бог велел немножко развлечься.

Сема поблагодарил, но тетя Альбина не унималась.

– Пригласи какую-нибудь симпатичную тебе девушку, – многозначительно произнесла она. – Пусть видит, что ты человек со связями.

Но Семен сказал, что рано ему еще обзаводиться новыми связями, и пригласил Фиму, которая очень удачно оказалось в этот момент рядом и с восторгом приняла приглашение. И вот теперь она уже была в их ложе, вертелась на своем стуле, не в силах сдержать рвущееся наружу ликование. Как выяснилось, их места находились так близко к сцене, что можно было разглядеть не только лица актеров, но и каждую складочку на их костюмах.

В ходе начавшегося действия Фима с еще большим восторгом обнаружила, что арию Папагено исполняет совершенно очаровательный молодой человек, который тоже обратил внимание на Фиму, даже несколько раз умудрился подмигнуть ей. Это было так приятно, что наполнило душу девушки сладким чувством. Ей казалось, что сладкоголосый юноша поет лично для нее.

А вот певица, которой выпало исполнять арию Царицы

Ночи, девушке совсем не понравилась. Она была до того крупная, что под ее грузным телом дрожала сцена. И лицо у нее было уродливое, а глаза злые. Она не сводила взгляда с Папагено, который старался не обращать внимания на нее, но это у него плохо получалось. Голос у Царицы Ночи был сильный, и свою арию она исполняла превосходно, но это ровным счетом никак не примиряло с ней Фиму. Тем более что когда Царица Ночи поняла, на кого в зрительном зале все время смотрит Папагено, она вперила в Фиму взгляд такой силы и ненависти, что девушка похолодела. Даже Сема, невзирая на всю свою флегматичность и невозмутимость, тоже отметил этот взгляд.

Когда начался антракт, он спросил у Фимы:

– И что эта старуха так на нас с тобой вытаращилась?

– Не знаю. По-моему, она ненормальная.

– Думаешь?

– Нормальный человек не станет так смотреть на другого человека.

– Что же, у тебя будет возможность проверить эту догадку.

И прежде чем Фима успела узнать, что он имеет в виду, в их ложе появилась тетя Альбина.

– Скорее, скорее, мои котятки! – поторопила она их. – Идемте со мной!

И когда они подошли, тетя Альбина прошептала им:

– Я провожу вас за кулисы! Покажу вам театральный мир с изнанки!

У этого тетушкиного желания была вполне конкретная направленность:

– Тебя, Семочка, я хочу кое с кем познакомить.

– О нет! Опять вы за свое, тетя?

– Алечка! – с восторгом воскликнула тетя Альбина, не слушая его. – Чудесная девочка! Ну, я тебе про нее говорила.

Семен немедленно надулся и заважничал:

– Надеюсь, она хотя бы красивая?

– О да! Можешь мне поверить, очень красивая. Сейчас сам увидишь!

И они быстро-быстро побежали, потому что, по словам тети Альбины, антракт был страшно короток, его могло не хватить для того, чтобы соединить сердца двух влюбленных.

Впрочем, Алечка не слишком-то обрадовалась, когда к ней в гримерную привели Семена. Сама Алечка была в костюме хризантемы. Вместе с другими девушками она изображала клумбу, которая росла в саду Царицы Ночи. Так что, кроме Алечки, в гримерку набилось еще с десятков таких же цветочков – Розочки, Незабудки и даже один Пион.

Фима отметила, что для простого цветочка Алечка выглядела уже несколько перезрелой. Тем не менее Алечка оказалась девушкой с претензиями. Она с откровенным недоумением оглядела фигуру жениха и повернулась в сторону тети Альбины.

– Это он?

Кажется, Алечка ждала принца, а пришел... Семен. Но те-

тя Альбина не растерялась и принялась жарко нашептывать Алечке на ушко.

Фима разобрала несколько слов: «Собственный бизнес... Машина... Трехкомнатная квартира!»

Не надеясь на внешнюю привлекательность племянника, тетя Альбина сразу зашла с козырей. Но даже это не слишком поколебало мнение Алечки в пользу Семы. Ей хотелось кого-нибудь более видного, это было ясней ясного всем, кроме самого Семена. Ему-то Алечка в ее красивом сценическом образе очень даже понравилась. Он с восхищением наблюдал, как колышутся лепестки ее платья, то поднимаясь, то опадая в такт движениям девушки. Затем он отвесил два-три неуклюжих комплимента, которые тем не менее были восприняты благосклонно. И при умелом посредстве тети Альбины разговор между этими двумя все же завязался.

И тут случилось нечто, отчего у Фимы в груди громко застучало сердце. В приоткрытую дверь гримерки заскочил тот самый Папагено, который произвел такое сильное впечатление на девушку. Но рано Фима обрадовалась. Артист даже не заметил ее. Он подскочил к хризантеме Алечке и что-то зашептал ей на ухо. Вид у него был затравленный, а сам он ежеминутно оглядывался через плечо, словно бы ожидая погони. Потом неожиданно охнул и опрометью кинулся прочь. Выскочил он через вторую дверь. А в первую уже вплывала монументальная дама.

Это была Царица Ночи. Выглядела она порядком разгне-

ванной.

– Где он? – произнесла она, причем ее голос моментально заполнил все помещение, а у Фимы в голове даже произошло что-то вроде легкой контузии от мощной звуковой волны, которую оказались способны создать легкие этой актрисы. – Где этот мелкий негодник? Где Никита?

Она обвела гримерку и замерших под ее грозным взглядом статистов.

– Девушки! Я видела, что он забежал к вам!

Все молчали. Затем одна Ромашка не выдержала и тоненьким голоском пискнула:

– Он ушел... туда.

И показала рукой на дверь, за которой скрылся Папагено. Актриса величественно кивнула и двинулась в том направлении. Внезапно дорогу ей преградил Колокольчик.

– Никита ни в чем не виноват! – произнес он неожиданно звонким девичьим голосом. – А если вам что-то нужно ему передать, скажите мне!

– Детка, отойди с дороги. И никто не пострадает.

Голос у Царицы Ночи звучал так тихо, что всем стало еще сильнее не по себе. Но девочка Колокольчик не унималась:

– Никита избегает общения с вами ради меня! Он меня любит, а вас лишь уважает! Вы для него были просто трамплином! Он сам мне это сказал!

Царица Ночи развернулась в сторону малявки с таким грозным видом, что всем стало ясно: сейчас прольется чья-

то кровь. И если брать в расчет габариты враждующих сторон, победа должна была достаться Царице. Слон и моська.

Но ведущая актриса решила не пачкаться.

– Уберите это отсюда!

Колокольчика поспешно утащили другие цветы. Но Царица уже передумала гоняться за своим легкомысленным возлюбленным. То ли возраст сказывался, когда тебе уже хорошо за пятьдесят, не так-то легко скакать по всему театру за своим молодым и подвижным любовником, который к тому же всячески уклоняется от этой встречи.

После ее ухода какое-то время было очень тихо, а потом все цветочки вдруг разом принялись обсуждать случившееся. Посторонних никто не стеснялся. И очень скоро Фима была полностью в курсе случившейся в театре любовной интриги. Как нетрудно было догадаться, у влиятельной, но уже немолодой актрисы возник роман с молодым и подающим надежды Никитой. Но он своего счастья не оценил и увлекся своей коллегой, которая, кроме молодости и красоты, ровным счетом ничего не могла ему предложить.

– И вот теперь наша Евдокия Петровна узнала правду о том, что Никита ей изменяет с Оливией. Страшно даже предположить, что она с ним теперь сделает. Евдокия таких вещей не прощает. Никита может на сольные партии в ближайшее время не рассчитывать. А если не сумеет вернуть себе расположение Евдокии, то и никогда их больше не увидит.

– А Оливия?

– Про нее даже и говорить нечего, она уже уволена.

Сознавать, что Папагено, который подмигивал Фиме весь первый акт, оказался таким дамским угодником и крутил романы одновременно с двумя дамами, было не слишком приятно. Но, с другой стороны, что-то подсказывало Фиме, что ни в одну из них он не был серьезно влюблен. И Фима со смутным волнением стала ждать начала второго акта, в котором ожидала вновь увидеть обаятельного повесу совсем рядом с собой.

К ее огромному разочарованию, когда Папагено появился на сцене, то вышел он из противоположной кулисы и оказался слишком далеко от Фимы. А когда по ходу действия ему приходилось перемещаться в ее края, то он все равно не смотрел на девушку. Кажется, он прилагал все усилия к тому, чтобы всего лишь держаться на максимально дальнем расстоянии от Царицы Ночи, которая исполняла свои арии таким грозным голосом, что зрители, не зная о подоплеке случившегося, все равно трепетали в своих креслах.

– Как тебе? – прошептал Сема.

И Фима ответила ему со всей искренностью:

– Невероятно впечатляет!

– Правда? А мне показалось, что роль несколько мелковата. Цветок! Что это за роль такая?

– А ты про кого говоришь?

– Амплуа Алечки гораздо шире, – невозмутимо продолжил рассуждать Сема. – Да и образование позволяет ей пре-

тендовать на куда более значимую роль. Она ведь училась в нашей консерватории. И окончила ее на «отлично»! Ты это знала?

Оказывается, Сема уже давно говорил о своей новой знакомой, с которой его свела тетя Альбина. Кажется, Хризантема ему всерьез приглянулась, потому что он оживился и, наклонившись к Фиме, нашептывал ей на ухо:

– Алечка рассказала мне, какие в их театре царят интриги. Это что-то чудовищное. Подсыпать толченого стекла в туфли или подпустить блох в сценический костюм, это даже за проступок не считается. Все пытаются друг друга подсадить. Подсыпать слабительное конкуренту – это вообще в порядке вещей. А правит бал тут всем она – Евдокия!

И Сема кивнул на сцену, где как раз грохотала Царица Ночи.

– Откуда же у нее такая власть?

– Уж явно не благодаря таланту.

– А мне кажется, что она очень хороша. Голос-то какой звучный! Люстры дрожат, и стул подо мной вибрирует.

– Подумаешь, голос. Образование у нее среднее! Окончила какое-то там училище, а потом прыгала из койки в койку.

– Кто? – поразилась Фима. – Она?

Невозможно было представить, чтобы монументальная Царица обладала подобной резвостью.

– Конечно, не сейчас, а в молодости, – поправился Сема и тут же прибавил: – Но это дела не меняет! Она аморальная

личность. А власть ее держится исключительно на ее любовнике.

– На Папагено?

– Кто? Нет! Разумеется, этот паяц вообще никто! В театре все решает муж Евдокии. А его на эту должность поставили благодаря ее любовнику.

– Папагено?

– Да что ты заладила? Папагено, Папагено! Говорю тебе, Папагено твой – ноль, пустое место. Кроме смазливой мордашки, у него и нет ничего.

– Не знаю, поет он божественно. Голос у него очень красивый и мощный.

– Ты не понимаешь всех тонкостей театральной кухни, – снисходительно произнес Семен. – Совсем не важно, какой у человека голос.

– Разве?

– Ну, может, самую чуточку важно, но по факту все решают связи! Талантливых людей много, обладающих голосом и образованием тоже, но наверх пробиваются лишь те, кому повезло обзавестись нужными связями. У Алечки их нету. А вот у Евдокии их хоть отбавляй.

– Муж и влиятельный любовник, я помню. И кто этот могущественный покровитель?

– О! Это человек из министерства. Занимает там далеко не последнюю должность. Перед ним все трепещут, а он обожаем нашу артистку. И поэтому в театре каждое слово Евдо-

кий – это закон. Это она решает, кто будет исполнять ту или иную роль. Она указывает Геннадию – своему мужу, кого из артистов выдвинуть вперед, а кого следует задвинуть назад. Алечке не повезло, она пару раз пыталась указать Евдокии, что подобная политика недопустима, и теперь ее держат на заднем плане, хотя талантом она превосходит ту же Евдокию или даже Мусика.

– А это еще кто?

– Любовница Геннадия. Сегодня она исполняет роль Памины.

К Памине до сих пор у Фимы не было никаких претензий, разве что она находила эту актрису чуточку полноватой. Но рядом с монументальной Царицей Ночи даже пухленькая Памина смотрелась нежной тростиночкой.

– Значит, у мужа Евдокии тоже есть любовница?

– Конечно. Это же театр.

Фима в душе просто ахнула. Памина – это тебе не Ромашка и не Колокольчик, это один из главных женских образов в этой опере. И эта партия тоже досталась не чужому человеку, не за заслуги или талант, а исключительно за ловкость в делах постельных. Ну и нравы в этом театре! Режиссер назначил на две ведущие партии свою супругу и свою любовницу. И вряд ли его сексуальные предпочтения основывались исключительно на таланте обеих.

– А что с исполнителем главной мужской роли? – заинтересовалась она. – Юноша со сценическим образом Тамино.

Кем он приходится Евдокии и ее мужу?

Семен был очень доволен произведенным эффектом и продолжил развивать тему:

– Тут, в этом театре, кипят такие страсти, куда там! Я подумываю, как бы перевести Алечку на более спокойную работу.

Похоже, Алечка произвела на кавалера большое впечатление, если уж он с присущей ему обстоятельностью принялся обдумывать в деталях всю их дальнейшую совместную жизнь.

– Твоя подруга Алечка изрядная болтушка, раз за такой короткий промежуток времени умудрилась выболтать практически постороннему человеку столько секретов.

Но Семен не видел в этом ничего плохого, а напротив, считал, что такая общительность его новой подруги свидетельствует о той высокой степени доверия, которая возникла между ними двумя с первой минуты. По этому поводу они даже немножко поспорили с Фимой, благо Папагено в данный момент на сцене вообще не было, впрочем, как и Хризантемы-Алечки. А все прочие действующие лица, представленные в данный момент в виде хора ученых, никакого интереса у них двоих не вызывали.

И тут появилась она – Царица Ночи. Двигалась она теперь совершенно иначе. Куда подевалась былая величественная поступь! Теперь шаги сделались неуверенными, она ошупывала воздух руками перед собой, словно двигалась в темноте.

Добравшись до середины сцены, она запела. Но что-то случилось и с ее голосом тоже. Звуки перестали литься единым музыкальным потоком, в нем то и дело возникали промежутки звенящей тишины, во время которых все находящиеся на сцене с опаской переглядывались между собой. И если зрители всякий раз терпеливо ждали продолжения арии, уверенные, что перерывы вызваны волнением самой Царицы Ночи, козням и даже свободе которой в это время на сцене приходил конец, то сами артисты уже смекнули, что роль тут ни при чем, и с их коллегой происходит нечто неладное. На лицах их читалась тревога, которую не мог скрыть даже толстый слой грима.

Кое-как, с многочисленными остановками Царица Ночи закончила свою арию, затем воздела руки к потолку, пошатнулась и картинно рухнула, отчего над сценой поднялось легкое облачко пыли. Зрительный зал взорвался аплодисментами, потому что все сочли такую концовку невероятно эффектной.

Один Сема был недоволен.

– Странно, в либретто сказано, что теперь она заточена навеки и должна опуститься в свое подземелье, где ей и предстоит отбывать наказание. Почему этого не показали?

В это время над сценой упал занавес, и Сема возмутился еще сильнее:

– Почему занавес? Тут еще много чего должно произойти! Зрители также недоумевали. Раздались редкие хлопки.

Кто-то поднялся со своего места, собираясь бежать в гардероб. Но подавляющее большинство сидело молча в ожидании чего-то.

Впрочем, они оказались правы. Занавес был вскоре вновь поднят, и опера продолжила идти своим чередом. До конца оставалось всего ничего. Но когда артисты выходили на поклон, Царица Ночи вместе с ними так и не появилась.

Глава 2

После представления они возвращались в компании Алечки, которую Сема решил подвести до ее дома, и тети Альбины, которую никто не приглашал, но она напросилась сама. Фима молчала, все еще находясь под впечатлением от прослушанной оперы. Но тетя Альбина с Алечкой болтали без умолку.

– Евдокия-то не случайно на сцене бухнулась, с сердцем человеку плохо стало.

– Оно и понятно, не девочка уже. Пятьдесят годочков нашей приме в прошлом году исполнилось.

– Стресс, волнение...

– А все туда же. Любовников ей молодых подавай. Никитка ее на добрых два десятка лет младше.

Услышав имя своего фаворита, Фима очнулась от задумчивости и спросила:

– Что у них там сегодня в театре случилось? Почему Евдокия за ним гонялась?

– Все из-за Оливки, то есть Оливии. Она Никитосу голову вскружила. Он за ней, Евдокия за ним, Гена за Евдокией, Мусик за Геной. Так кругами друг за дружкой и бегают.

– А самой Оливии кто нравится?

– Поговаривали одно время, что она с Егором встречается. Он сегодня исполнял арию Тамино.

– Да, да! – обрадовалась Фима, вспомнив, что не все выяснила про личные взаимоотношения артистов. – А Егор, кем он приходится Евдокии?

– Никем. Она его вообще на дух не переносит.

– Почему?

– У Егора покровители настолько высоко сидят, что даже Евдокии туда не дотянуться. По этой причине она его и ненавидит, и опасается. Знает, что против него у нее никакого приема нет. Вот и приходится с ним дружить или делать вид, что дружит.

У Фимы немножко закружилась голова от всех этих закулисных интриг. И она подумала, что никогда бы не согласилась выступать на театральной сцене, раз уж тут царит такая возмутительная протекция и разделение на своих и чужих вовсе не по признаку талантлив или бездарен тот или иной артист.

Но Алечка с тетей Альбиной, казалось, не видели в этом ничего особенного. И продолжили болтать друг с другом до самого дома тети Альбины. Потом тетя Альбина вышла, и Алечка переключилась на них двоих. Голосок у нее был тоненький и очень пронзительный, поэтому Фима вздохнула с облегчением, когда оказалась на свежем воздухе, а машина ее кузена скрылась за поворотом.

В ушах у Фимы все еще стоял голос Алечки:

– Евдокия совсем страх и совесть потеряла, да и стыд вприпрыжку с ними пошел. Она Никитосу буквально про-

ходу не давала. Дыхнуть парень не мог, чтобы не пришлось перед своей командиршей отчитаться. Он прямо плакал, так она ему надоела. Надеялся, что Геннадий жену приструнит, а тому только и на руку, что у женушки имеется своя игрушка. Она ему тогда с Мусиком упражняться не мешала. Но если Мусику с Геной нравилось быть, то Никиту от Евдокии прямо выворачивало. Вроде как начиналось у них все неплохо, но очень уж Евдокия хваткая баба. Вот и Никитосу она так в глотку вцепилась, что не продохнуть. Такое никому не понравится, а тем более Никитос парень видный, для женского пола привлекательный. А тут чуть он на сторону, как Евдокия за ним в погоню. Не стеснялась у дома его караулить. Никита с девушкой идет, а тут Евдокия им навстречу. Девушке по щекам надает, Никитосу по ушам настучит, девочка в слезах прочь бежит, а Никита стоит и возразить ничего не может. Знает, если вякнет хоть словечко против, то Евдокия ему жизни не даст, и на сцене он если и окажется, то где-нибудь в самом дальнем и темном ее уголке.

Фиме было ужасно жаль симпатичного Папагено, угодившего в ловушку. Ведь если бы связи Евдокии начинались и заканчивались в самом театре, то можно было бы попытаться найти другую сцену. Но такова уж была мощь и сила этого спрута, что он смог прорасти своими щупальцами гораздо выше. И вздумай Никита рыпнуться против своей тиранши, ему были бы перекрыты дороги во все театры страны, разве что за исключением глубоко провинциальной самодеятель-

ности.

Чтобы утрясти все эти переживания, Фима присела на лавочку и глубоко задумалась. Там ее спустя полчаса и обнаружил Пятница, которого Павлик вывел на вечернюю прогулку. Песик весело скакал возле ног Фимы, радуясь тому, что сумел обнаружить свою хозяйку. И удивляясь, почему хозяйка сидит тут в одиночестве, вся запорошенная снежком вместо того, чтобы подняться домой, отведать вкусных блинчиков и погреться в тепле.

– Ну, как сходила? – поинтересовался Павлик у сестры.

– Замечательно.

– Завтра еще пойдете.

– С чего ты взял? Нет, не пойдём.

– Пойдете, пойдете! Пока тебя не было, нам звонила тетка Альбина, сказала, что завтра снова идете в том же составе. Мол, лед тронулся, надо ковать железо, пока горячо. О чем это она говорила, ты не знаешь?

– Хочет женить нашего Сему на Хризантеме.

– Какой еще Хризантеме? – разинул рот мальчик.

– Актриса.

– Хорошая?

– Говорит, что хорошая, но ее в театре не ценят.

– А Семе зачем это нужно? Жениться, в смысле? Сема на одиночество не жаловался. Наоборот, рассказывал, какие у него грандиозные планы на холостяцкую жизнь.

– Это нужно тете Альбине. Она не может видеть, когда

другим людям хорошо. А раз так, то Семе придется завтра идти и восхищаться невестой, которую она для него при-смотрела.

Придя домой, Фима обнаружила, что родители смотрят новости по телевизору. Она взяла себе со сковородки пару блинчиков с мясом, которые мама купила в магазине и разогрела, а потом под села к родителям.

– Как тебе блинки? – поинтересовался папа.

– Пойдет.

– С домашними, конечно, не сравнить. Но, как говорил мой дед, третий сорт не брак.

Диктор с экрана тем временем возбужденно докладывал:

– Сегодня прямо со сцены была госпитализирована оперная дива, прима нашего театра Вологодская Евдокия Петровна.

– Я ее видела! – ахнула Фима и уронила последний блинчик с тарелки.

Она проследила за траекторией его падения, но не сделала попытки поймать и даже ничуть не расстроилась, потому что блинчик и впрямь был так себе. И к тому же блинчик не пропал, его моментально подобрал Пятница, который вообще мог бы работать пылесосом.

– Заслуженный деятель... – бубнил диктор. – Золотой голос... Состояние врачи оценивают как среднетяжелое. Предположительный диагноз уточняется. Свою жену в больницу пришел поддержать супруг Евдокии Петровны с коллегами.

Дальше замелькали какие-то лица. Средних лет ухоженный и подтянутый мужчина с седыми висками и в щегольском пальтишке. Наверное, тот самый Геннадий. Опечаленным он отнюдь не казался. Даже напротив, в глазах его горела надежда. Кто-то бы сказал, что это надежда на выздоровление любимой супруги, но что-то мешало Фиме так думать. Может быть, то и дело мелькающее в кадре рядом с потенциальным вдовцом лицо молоденькой актрисы – той самой Муси. А вот Папагено не наблюдалось вовсе, чему Фима изрядно огорчилась. Она бы с куда большим удовольствием полюбовалась на него, чем на этих двоих.

Увы, пришлось удовольствоваться статьями из интернета. Благо что Никита Нестеров – Папагено – был фигурой примечательной. Имелись и его многочисленные фотографии, и статьи, и в друзья к нему можно было свободно добавиться, что Фима и сделала. Также она подписалась на группу «ВКонтакте», которая была заполнена фанатами Никиты. И с этого момента Фима официально встала на тот путь, который привел ее к очередному расследованию.

На другой день они снова были в театре. Слушать предстояло все ту же «Волшебную флейту», в чем ни тетя Альбина, ни Сема не видели ничего особенного.

– Даже очень хорошо! Пусть Алечка видит, что ради нее ты готов слушать одну и ту же оперу и по второму, и по третьему разу!

Сегодня тетя Альбина, помимо билетов, принесла им еще

и огромный букет.

– Это зачем?

– Прямо сейчас пойдешь к нашей Хризантеме и подаришь его ей!

Нужно ли говорить, что букет состоял из одних лишь хризантем, умело скомпонованных по оттенкам. Тут были не только лимонно-желтые, белые и сиреневые, но и насыщенно-синие, ярко-малиновые и неестественно-зеленые цветы. Было ясно, что производитель проявил фантазию и не пожалел красителя, чтобы получить такие диковинные оттенки.

Сема послушно сходил, цветы подарил, но назад вернулся озабоченным.

– Не понравились? – опечалилась тетя Альбина.

– Нет, не в том дело. У них там невесть что творится. Только я вошел, Алечка меня увидела, ручки к цветам протянула. А тут влетает какой-то мужик, начинает рвать на себе волосы и орет, что у них ЧП, сегодня днем старая корова откинула копыта. И что к ним в театр едет следователь, чтобы провести предварительное дознание. Все должны быть готовы и отвечать на его вопросы четко, ясно и правдиво.

– Корова? Какая ко... Ах! Вот оно что! Евдокия умерла?

– Да!

– А следователь зачем?

– Подозревают, что это было убийство.

Фима не сдержалась и присвистнула.

– После таких новостей, наверное, твоей Алечке было уже

не до цветов.

– Ты удивительно догадлива.

– Так сегодня оперы не будет?

– Почему же не будет, – удивилась тетя Альбина. – Евдокию заменит другая певица.

Весь первый акт Сема барабанил пальцами по бортику, чем нервировал всех зрителей как в самой ложе, так и рядом с ней. Ему делали замечания, он извинялся, на время прекращал, а потом начинал снова.

Фима неоднократно пыталась выяснить:

– Что случилось?

– Не мешай! Я думаю!

О чем он думал, стало ясно в антракте, когда Сема прямой наводкой полетел по уже протоптанной им дорожке в гримерку к своей Алечке. Он позвал Фиму с собой и по пути излагал ей ход своих мыслей:

– Евдокия умерла. Алечке срочно нужно действовать. Сейчас в театре начнутся перестановки. Алечка должна заручиться покровительством кого-то из нового руководства. Как ты считаешь, кто сможет занять место Евдокии?

– Если произошло убийство, то в первую очередь надо думать не о новых партиях, а о том, чтобы не угодить на скамью подсудимых.

– Алечка вне подозрений!

– Пока мы не знаем, что именно произошло с Евдокией, под подозрением абсолютно все!

– Алечка не такая! Ты ее не знаешь!

– Она сама вчера всю дорогу рассказывала, как ненавидит Евдокию. Та из-за сущей ерунды придралась к Алечке, засунула ее в массовку, а ведь у Алечки за спиной консерватория! Алечка на диктаторшу была очень сердита.

– Да-да, ты права. Но подозревать Алечку, это же уму непостижимо, какая глупость! Ты сейчас ее спросишь и сама поймешь, что Алечка совершенно тут ни при чем.

Но первым, кого они увидели, войдя в знакомую дверь гримерки, был Арсений. Дорогой и любимый друг Фимы, а по совместительству следователь по уголовным делам.

Фима никак не ожидала увидеть Арсения так скоро, поэтому громко ахнула:

– Ты? Ты что тут делаешь?!

– Полагаю, это я должен спросить у тебя. Это что ты тут делаешь?

– Пришла в театр. Второй вечер подряд мы с моим двоюродным братом посещаем эту сцену.

– Да что ты говоришь! – обрадовался Арсений. – Значит, ты и вчера тут была? Заметила что-нибудь необычное?

– Ну, как тебе сказать...

Арсений не дал ей и слова сказать, сразу же вытолкнул ее за дверь гримерки.

– Поговорим без лишних ушей. Признаюсь тебе честно, положение весьма затруднительное. Покойницу в театре не любили, и это еще мягко сказано. Как я понял, она никому

не давала тут житья, кроме нескольких своих любимчиков. Но и их она жестоко третировала. Одним словом, каждый желал ей если не смерти, то чтобы она исчезла и испарилась, это уж точно.

– Но всех ты подозревать не можешь.

– Всех не могу, – согласился Арсений. – Но кое-кого просто обязан. Например, вот эта Алечка – цветок Хризантемы, ты знаешь, что два дня назад она была на аудиенции у мадам Евдокии в ее личной гримерной, но вылетела от нее буквально пулей, рассыпая во все стороны проклятия и угрозы.

– А что между ними произошло?

– Как я понял, Алечка просила у Евдокии дать ей более серьезную арию в готовящейся в следующем сезоне постановке, а Священная Корова...

– Кто?

– Евдокию так называли в театре, ты не знала?

– Нет. Но зато я слышала, как ее называли Старой Коровой.

– Это лучше всяких слов говорит об отношении всей труппы к ведущей актрисе. В общем, Священная, или Старая Корова нашей Алечке отказала и сделала это на глазах очевидцев и в такой грубой форме, что у Алечки было два выхода: разрыдаться и забиться в истерику либо затаить зло и впоследствии жестоко отомстить диктаторше за перенесенное унижение. И так как никто не видел Алечку в слезах, я делаю вывод, что она приготовила месть для здешнего тира-

на в юбке.

– Если бы Алечка планировала убить Коро... Евдокию, то она не стала бы вопить об этом на всех глазах.

– Возможно, идея расправиться с Евдокией раз и навсегда появилась у Алечки не сразу. Поэтому, когда первый порыв гнева прошел, она натянула на лицо улыбку и сделала вид, будто бы ничего не случилось.

Фима покачала головой.

– Почему-то мне кажется, что у каждого второго артиста из массовки был точно такой же повод, чтобы ненавидеть приму. Она с людьми не церемонилась. За словом в карман не лезла. Вела себя без всяких церемоний даже с самыми близкими – мужем и любовником, что уж там говорить о тех, кого она и за людей-то не считала.

– Согласен с тобой. Ты дала очень точный психологический портрет этой дамы. Была с ней лично знакома?

– Имела несчастье наблюдать ее в течение нескольких минут. Мне хватило, чтобы понять, что это за грубая хамка.

– Да, она была именно такой невоздержанной на язык, резкой и чванливой.

– Но убивают ли за это? Есть много начальников, которые ведут себя еще похлеще, но все перед ними трепещут, и доживают они до глубокой старости. А к ним еще и ходят за рекомендацией и благодарят потом за науку.

– К чему ты клонишь?

– Нужно поискать того, у кого были более серьезные пре-

тензии к Евдокии, кроме отказа в повышении.

Арсений вздохнул.

– Я так понял, твой двоюродный брат ухаживает за этой Алечкой? Давно ли?

– Со вчерашнего дня.

– Значит, она могла ему пожаловаться на свою обиду?

– Разве что на обратном пути. Он высадил сначала тетю Альбину, потом меня, а дальше повез уже одну Алечку. И если у нее были разногласия с Евдокией, то она могла пожаловаться Семе. Она такая, мелет, что думает, язык без костей.

– А твой брат, он, случайно, не медик?

– Химик. Работает на фармацевтической фабрике.

– Так это же еще и лучше!

– Лучше, чем что?

– Послушай, что нам удалось установить. Информации немного, но кое-что есть. Вчера перед вечерним спектаклем кто-то подмешал Евдокии в ее кофе средство, которое прописывают в случаях сердечной аритмии. Называется оно «Спокоин». Оно вызвало замедленное сердцебиение у артистки и спровоцировало приступ, с которым она и пожаловала в больницу.

– Все видели, что во втором акте Евдокии было не по себе. Она еле двигалась, пела так, словно временами ее выключали, а под конец и вовсе упала на сцене.

– В больнице ей оказали всю необходимую помощь, взяли кровь на анализ, выяснили, откуда у проблемы ноги растут...

– Так сразу определили, что в кофе был этот «Спокоин»?

– Нет. Препарат обнаружили в крови пациентки.

– Ничего себе медицина у нас!

– Это не медицина у нас, а связи у пострадавшей, – хмуро произнес Арсений. – Как ты думаешь, почему я тут?

– Потому что ты полицейский.

– Вот именно. А Евдокия по прибытии в больницу громко объявила всем, что ее пытались отравить. И она даже знает, кто этот злодей. И требует, чтобы было проведено тщательное расследование инцидента. А так как связи у дамы о-го-го, то ее кровь прямым рейсом отправили в нашу лабораторию на исследование. И нашли превышение дозы препарата «Спокоина», который Евдокия вообще никогда не принимает, потому что у нее имеются проблемы с сердечным клапаном, которые вызывают замедленное сердцебиение, ей, напротив, нужно принимать что-нибудь для устранения этой проблемы, что-нибудь стимулирующее работу сердца, а не замедляющее ее. И когда Евдокия узнала, что за препарат ей был дан, тут же сказала, что знает не только того, кто стоит за этим покушением, но и того, кто был исполнителем. Знает, кто это сделал и каким образом! Объяснила, что перед выступлением никогда ничего не ест и выпивает лишь чашку кофе со своими любимыми вишневыми сливками. По факту это даже не кофе, а десерт. И когда ей вчера принесли чашку, то к ней заглянула Алечка, которая сказала, что хочет извиниться. Извинилась, но еще какое-то время покрутилась в

гримерной. Евдокия считает, что препарат ей в кофе подлила именно Алечка.

– Он выпускается в жидкой форме?

– Да. В виде капель.

– Уверена, там, в гримерке у Евдокии, побывала не одна Алечка.

– Верно, заходила еще масса народу. Но у всех у них нет причины, чтобы травить Евдокию.

– Это они так говорят. А сами в душе вынашивают злое щие планы!

– Вот только они, в отличие от Алечки, об этом своем желании на всех углах не трубят!

Да что же это такое! Прямо клещами вцепился в невесту брата!

В отчаянии Фима уже начала считать Алечку полноправной невестой, а Семе сочувствовала, словно родному брату.

И тут она сообразила:

– Арсений, ты же сам сказал, что лекарство на Евдокию не оказало должного воздействия. Да, пусть ей стало плохо, но ее же в больнице откачали! Почему же она все равно умерла?

– И тут ты права, а на сцену выходит преступник номер два!

– Был кто-то еще?

– Этот человек проник в больницу и добавил в раствор капельницы еще один препарат. Сам по себе он сравнительно безвреден. Но если его принять вместе с тем первым «Спо-

коином», то он вызывает тромбоз, буквально склеивает сосуды. Собственно говоря, от действия этого второго препарата Евдокия и скончалась.

Фима выдохнула.

– Тогда при чем тут Алечка и мой брат? Это врачи у себя в больнице что-то напутали.

– Они клянутся, что нет.

– А то они бы так взяли и признались в своей врачебной ошибке.

– Врачи тут ни при чем.

– А кто при чем?

– Я тебе и рассказываю. Нам повезло, в палате потерпевшей было установлено видеонаблюдение.

– Ничего себе у человека связи!

– Нет, наблюдение не специально ради нее установили, оно там и раньше имелось. Как раз на случай всяких таких штук. И с помощью записи с камер наблюдения мы выяснили, что к Евдокии около полуночи приходил медбрат, который что-то делал с капельницей. Лица не разобрать, но ростом и фигурой он один в один твой Сема.

– Это не он!

– И все же я вынужден его задержать. Его и эту его Алечку. И я благодарен тебе за оказанную в этом деле помощь.

Это было самое ужасное, что доводилось слышать Фиме за последнее время. А еще хуже было то, что это слышала тетка Альбина. И судя по круглым и вытарашенным от ужаса

глазам, которыми она сверлила Фиму с Арсением, вскоре об этом повороте судьбы должна была узнать вся их родня.

Так и оказалось.

После задержания, проведенного Арсением, наслаждаться оперой у Фимы пропало всякое желание. Домой ей, как нетрудно догадаться, пришлось добираться на такси. И за это короткое время тетка Альбина успела совершить невероятное. Она проинформировала буквально все их семейство, что натворила Фима.

Сегодня внизу во дворе Фиму снова ждали Павлик с Пятницей. Но если песик сразу же кинулся приветствовать свою хозяйку, то братец не торопился к ней навстречу.

Сидел, смотрел, а потом изрек:

– Стукачка!

– Я тут ни при чем!

– Все так сначала говорят, а потом признаются и каются.

Можешь начинать сразу каяться.

– Нет, честное слово! Я не виновата в том, что полиция заподозрила Алечку и Сему!

– А вот тетка Альбина всем иначе растрезвонила! Будто бы это ты их и сдала!

– Ерунда! Ей никто не поверит!

– Родители, конечно, не поверили, а вот насчет остальных я уже не так уверен. Например, тетушка Римма уже звонила, интересовалась, что такого плохого сделал тебе Сема, что ты его за решетку помогла упрятать.

– Ей-то откуда знать?

– Ей дядя Витя позвонил, он тоже был возмущен до крайности. Я не удивлен. Тетка Альбина всегда имела на него большое влияние.

– О господи! – воскликнула Фима в отчаянии. – Она что, действительно всем нашим уже разболтала?

– Если кто еще и не слышал, то к утру точно будет в курсе. Прогнозирую, завтра нас ждет крупное выпадение родственников.

Фима несколько раз глубоко вздохнула, стараясь успокоить нервы.

– Ничего, ничего, – прошептала она. – В полиции разберутся! Они поймут, что Сема с Алечкой не виноваты, и отпустят их.

Павлика ее слова потешили.

– Ха-ха! – захохотал он. – Это зачем же полицейским надрываться и искать себе новых подозреваемых, если у них уже есть эти?

– Потому что в нашей полиции служат прекрасные сотрудники, для которых главное – это торжество справедливости. Арсений точно такой!

Эту же позицию Фима изложила перед своими родителями.

Увы, вместо восторга на лицах папы с мамой она увидела совсем другое, похожее на недоверие и даже отчаяние.

– Что? Вы не верите в Арсения?

Родители решили не провоцировать.

– Верим, – сказал папа. – Но твой Арсений тоже не всемогущ. А я слышал, что убийство получилось резонансным.

– Уже и в новостях дважды показали сюжет на эту тему. Убийство оперной дивы такой величины не каждый день случается.

– И какой-то генерал лично пообещал, что виновные в убийстве звезды нашей оперной сцены будут изобличены и наказаны.

– Арсений человек военный, он не может действовать сам по себе.

– На него надавят вышестоящие товарищи и заставят выдать желаемое за действительное.

– Или даже вовсе без него обойдутся.

– Ты понимаешь, чем это может обернуться для Семы?

– Они не станут искать настоящего виновника, просто побоятся так рисковать.

Родительский натиск произвел на Фиму впечатление. Она замолчала и глубоко задумалась, пытаясь понять, как собственными силами, не прибегая к помощи полиции, спасти попавшего в передрагу братца.

– Может, у Семы есть алиби? – сообразила она.

– Мы об этом уже думали. В том-то и дело, что нет у него никакого алиби. Тетка Альбина ему вчера звонила, хотела спросить, как прошли у него проводы Алечки до дома. Так Сема ей сказал, что уже крепко спит, утром с ней поговорит.

А живет он, как ты знаешь, теперь один. Значит, никакого алиби у него нет.

Фима еще немножко подумала и выдала версию:

– Может, он и не дома был вовсе.

– Так она ему на домашний телефон звонила, – вмешался в разговор Павлик, чем возмутил Фиму.

– Кто из нас подросток? – воскликнула она. – Ты или я?

Про функцию переадресации звонков никогда не слышал?

– Я-то слышал. А вот Сема? Как насчет него? Он ведь гораздо старше тебя. А значит, в таких вещах вообще не шарит. Он свою рабочую программу, которая ему для дела край как нужна, и то еле-еле осилил. У него до сих пор телефон кнопочный!

– У них дома есть консьерж! – осенило Фиму.

– И что?

– Консьерж должен помнить, когда прошлой ночью вернулся Сема! Я поеду к нему! Прямо сейчас!

– Одну я тебя никуда не отпущу! – воспротивился папа. – Уже поздно! Не хочу, чтобы моя дочь болталась одна по улицам ночного города.

– Тогда я позвоню Арсению. И попрошу, чтобы он поехал за этим алиби.

– Звони.

– Проси.

Родители быстро успокоились, что за Фимой найдется кому присмотреть, и ушли к себе. Как только они забыли про

Фиму, девушка потихоньку проскользнула к входной двери, открыла замок, и только ее и видели! Не то чтобы она любила обманывать родителей. И сейчас она честно попыталась дозвониться до Арсения, но тот не брал трубку и не отвечал на сообщения.

А Фима просто не могла заставить себя успокоиться и просто ждать, когда что-то решится без ее участия. Если Сему отправят под суд, то семья будет считать виновной в этом Фиму. И все это благодаря тетке Альбине и ее длинному языку.

Допустить это Фима не могла. Береги честь смолоду, это она помнила твердо. Стоит один раз оступиться, и потом уже репутацию нипочем не отмоешь. Так и будет до скончания века ее имя ассоциироваться у родственников со стукачеством.

И с мыслью, что спасение утопающих – это в первую очередь дело рук самих утопающих, она выдвинулась в путь.

Глава 3

Дом Семы выглядел превосходно. Как ни спешила Фима, а все же постояла и немножко им полюбовалась. Она уже бывала у этих родственников в гостях и слегка завидовала Семе, который жил в настоящем дворце. Шикарные кованые ворота закрывали въезд во двор. Ровные дорожки, выложенные булыжником. Подземный паркинг для машин хозяев квартир этого дома. А внутри... Мраморный пол, потолок и стены. Всюду зеркала и серебро.

Не то чтобы Фима с родителями бедствовали, нет, их жилище тоже было комфортным и вполне уютным. Но с домом родственников тягаться они не могли. Не имели такой возможности. Дело в том, что некоторое время назад родителям Семы удалось продать две доставшиеся им в наследство квартиры, которые и сами по себе были неплохи. И на вырученные деньги они купили совсем уж шикарную квартиру в новом, выстроенном сравнительно недавно, но при этом находящимся в исторической части города.

Умело встроенный в дома дореволюционной постройки, он радовал своих обитателей всеми возможными современными радостями жизни, но при этом находился не за тридевять земель, чуть ли не в соседней области. Да еще и строители, проводя отделку, выложились на полную катушку, сделав из дома настоящий дворец.

Когда девушка подходила к дому, ее кто-то неожиданно подхватил под руку. Душа у нее ушла в пятки, в голову полезли дурацкие мысли об изнасилованиях и прочих неприятностях.

И тут знакомый голос произнес:

– Попалась, птичка!

– Арсений! – обрадовалась Фима. – Как ты меня нашел?

– Вообще-то у меня тоже была такая мысль.

– Какая?

– Проверить алиби нашего задержанного. Ты же сюда за этим явилась?

– Да, за этим. И ты тоже?

– Признаюсь, коллеги меня отговаривали. Мол, зачем, и так все ясно. Подозреваемый засветился в больнице. Мы уже отчитались, что есть зацепка. Теперь его надо колоть, а не за алиби ему бегать.

– Но ты не такой!

– Я такой.

– Но ты же здесь.

– Это потому что мне позвонил твой папа и сказал, что ты умотала из дома, на ночь глядя собираешься проверять алиби Семы лично и ищешь себе приключения на одно место. Не мог же я позволить тебе делать это одной. Приключения лучше искать вдвоем.

– Ну, раз уж ты все равно тут, тогда пошли.

И они пошли к консьержу, который оказался человеком

вовсе не таким разговорчивым, как это принято думать. Он бы и слова не проронил, но служебное удостоверение Арсения заставило его заговорить.

– Служба есть служба, – заявил дедок, – я сам отставник, понимаю. Спрашивайте, что вам нужно.

– Жилец из квартиры двенадцать.

– Семен Пахомов. Вежливый, аккуратный, недавно расстался с женой. Жена у него личность развязная, уходила с большим шумом, обещала, что муж еще пожалеет, что выгнал ее.

– Выгнал? Разве не она сама от него ушла?

– Ну, сначала-то ОНА ему изменила, а потом уж ОН ее выпроводил. Так что это она их семейный очаг разорила.

– И давно это произошло?

– Две недели назад.

Совсем недавно! Выходит, официально развестись они еще не успели!

Видимо, Арсений тоже подумал об этом, потому что задумчиво произнес:

– Это многое меняет в нашем деле. А что насчет вчерашней ночи можете нам рассказать?

– Она тут была, – с готовностью кивнул консьерж. – Приходила, чтобы поскандалить. Сказала, что вещи хочет забрать. Официально они еще не разведены, она тут зарегистрирована в списке жильцов, формально я не мог ее не впустить. Разумеется, пытался сообщить мужу, звонил ему на

сотовый, но он не ответил.

Конечно, звук на телефоне у Семы был выключен, потому что в театре так поступают все воспитанные люди.

– Семен вернулся домой где-то в половине двенадцатого. Я его проинформировал о появлении супруги, он поднялся к себе, и через пять-семь минут они спустились вниз.

– Оба?

– Да.

– И как они выглядели?

– Нормально. Скажем так, вслух между собой больше не ссорились.

– Семен только проводил свою жену и тут же пошел к себе вверх?

– Он не вернулся. Они ушли вместе.

– Как ушли? – встрепелась Фима. – Куда ушли?

– Не могу этого знать. Но вернулся домой Семен лишь под утро. Было уже около пяти часов утра, когда он пришел. Выглядел он не лучшим образом, расстроенный, уставший. Я даже поинтересовался, что с ним случилось, а он в ответ огрызнулся, мол, не мое дело. Совсем на него не похоже. Обычно он всегда безукоризненно вежлив и хладнокровен. Наверное, должно было произойти нечто из ряда вон выходящее, чтобы он так себя повел.

Это был настоящий удар! Фима не знала, как ей реагировать на услышанное. Последняя надежда на то, что у Семы есть алиби, рассыпалась в прах. Но Арсений бодрости духа

не терял.

– Значит, Семен ушел вместе со своей супругой?

– Бывшей супругой! – поправил его консьерж. – Нельзя прощать измену! Будь то измена мужу или измена Родине. Изменникам одна кара – забвение и смерть!

Что-то расхотелось Фиме жить в этом месте. И ее восхищение квартирой Семы тоже стремительно пошло на убыль. Иметь такого моралиста на входе, это же никакой личной жизни!

– А кто донес Семену о том, что жена ему изменяет? – спросила она у консьержа. – Не отвечайте, дайте-ка, я сама угадаю! Это сделали вы!

– Не донес, а проинформировал!

– И разрушили семью.

– Семью разрушила неверная супруга, разрушила ее своей изменой.

– Вы могли промолчать, и никто ничего бы не узнал.

– Не приучен к такому. Если вижу беспорядок, обязан проинформировать.

Фиму ноги сами понесли к выходу. Не хотела она находиться рядом с этим разрушителем чужих гнезд. Информировал он! Доносчик!

Арсений с трудом ее догнал.

– Ты чего такая недовольная? Злишься?

– Гад он такой! – сорвалась Фима. – Если бы он промолчал про измену, то Сема бы никогда не выгнал свою жену. И

не ударился бы в депрессию. А тетке Альбине не пришлось бы подыскивать ему невесту. И мы бы с ним не пришли в тот театр. И не познакомились бы с этой сомнительной Алечкой. И вообще ничего этого бы не было! А все по вине этого гада! За собой бы лучше последил! Небось у самого грешков предостаточно!

– За собой следить сложно да и неинтересно. Поэтому люди и предпочитают высматривать сучки в чужих дворах, не обращая внимания на бревна в своих собственных.

– А еще я огорчена, потому что алиби у Семена нет!

– Этого мы с тобой пока что не знаем. Из дома он ушел вместе со своей женой. И было это незадолго до появления в палате Евдокии таинственного «доктора». Если супруга Семена подтвердит, что ночь он провел у нее, это будет ему отличным алиби.

Такой вариант развития событий Фиме почему-то в голову не приходил. Может быть, потому что она видела, как на другой день Сема топтался с букетом цветов для своей Алечки. Если бы ночью он помирился с женой, то вряд ли бы снова заявился в театр.

– Они могли и не помириться, – заметил Арсений. – Но если даже они ссорились до утра, то такое алиби нам тоже сгодится.

– Сема выгнал жену. Куда она пошла? Ты знаешь, где нам искать Регину?

– Знаю. А если бы ты держала свои эмоции под контролем,

ты бы тоже это сейчас знала. Сколько раз тебе повторять, если хочешь стать великим сыщиком, думай головой, а не сердцем.

– Хватит зазнаваться! Куда нам ехать?

Арсений на возглас своей подруги не обиделся. Он хорошо понимал ее состояние. И отчасти чувствовал перед ней свою вину. Это ему не нравилось. И он поклялся, что сделает все возможное, чтобы выручить Сему из беды. Не то чтобы он так уж сильно нравился Арсению, но если это нужно для Фимы, то он в лепешку разобьется, но сделает.

Судьба-злодейка забросила жену Семы на самую окраину города. Тут она ютилась в крохотной студии, которую ей удалось снять. Это тоже был новый дом, но оставалось лишь поражаться разнице между ним и тем домом, в котором проживал Сема. Там был дворец, а тут настоящее гетто. Грязный пол, исписанные стены, замалеванный лифт.

Но на более приличное жилье денег у женщины не хватило, и гостям она совсем не обрадовалась.

– Если вас Семен прислал, то передайте ему, чтобы он шел в... опу!

Высокая и стройная, она гневно взирала на явившихся к ней посланцев своего мужа. В Регине чувствовалась примесь восточной крови, но это добавляло ей шику. У нее были темные прямые волосы, слегка приподнятые к вискам глаза и оливковая атласная кожа.

Много раз Фима задавалась одним и тем же вопросом, что

такая роскошная женщина нашла в их незавидном Семе?

Сегодня Регина была настроена решительно.

– Пошел этот ваш Сема в дальнейшее пешее путешествие!

– Так ему и передать? – удивился Арсений.

– Так и передайте!

– А с чего такая неласковость к собственному мужу?

– Знать его больше не хочу! Уму непостижимо, как меня только угораздило связаться с таким ничтожеством!

– Почему же Сема ничтожество?

– Да ведь у него ничего своего нет. Ни бизнеса, ни машины. Все, чем он владеет, купили его родители. А он лишь проживает то, что они ему оставили! Знаете, какая у него зарплата? Я в своем маникюрном салоне вдвое больше трачу... тратила! А он нищесбор и крохобор!

– Но вы же его за что-то полюбили.

– Полюбила?

Глаза у Регины сверкнули странным блеском. Она что-то хотела ответить резкое, да осеклась.

– Я думала... Думала, что он олигарх или что-то вроде этого! Да, так я и думала! – И словно нащупав направление, которого ей следует в разговоре придерживаться, Регина заговорила уже куда уверенней: – Машина-то у него какая. И квартира в шикарном доме. А оказывается, он обычный инженер-инженер! На завтрак манка, на ужин кефирчик. Нет, для фигуры такая диета даже полезна, но я люблю омаров! Икру ложками! И шампанское в ванну! Мне скучно с ним было до

такой степени, что, когда я его видела, у меня зубы начинали болеть.

– И все же вчера вы с ним провели много времени вместе. Всю ночь!

– Ну допустим. И что?

– Значит, он у вас был?

Фима так обрадовалась, что совсем забыла, о чем предупредил ее Арсений. Эмоции вновь захлестнули девушку, и она принялась сыпать словами.

– Как хорошо! Как я рада! Теперь вы подтвердите его алиби, и Сему отпустят!

– Отпустят? Откуда его должны отпустить?

– Вы же не знаете! Нашего Сему обвиняют в убийстве!

– И кого же он убил?

– Никого он не убивал! Раз ночью он был с вами, значит, его отпустят!

– Отпустят, – медленно и как-то задумчиво произнесла Регина. – Его отпустят, и он снова вернется в свою шикарную квартиру в центре города, а я буду прозябать в этом скворечнике. М-м-м... А знаете что? Не был он со мной!

– Как? Регина, вы что? Вы же его единственная надежда на спасение.

– Не было тут Семы!

– Но вы с ним вышли из его дома вдвоем. Вас консьерж видел.

Не стоило ей напоминать об этом человеке, потому что

лицо Регины моментально исказилось, и она со злостью закричала:

– Не было! Ушел! Один! Без меня! Куда, не знаю! Убивать пошел!

– Но что, он вам это так прямо сказал? Пошел я, Регина, на убийство!

– Не ваше дело! Не видела я его ночью. Не было его у меня! Пошли вон!

И она буквально вытолкала сыщиков за порог.

– Она врет! – в отчаянии воскликнула Фима, когда они с Арсением оказались за дверью в общем коридоре, где отовсюду доносились крики, смех или детский плач. – Сема был тут прошлой ночью!

– Допустим.

– Не допустим, а был! Регина неряха, у нее в комнате настоящий бардак. Все вещи валяются вперемешку. И я видела там среди яблочных огрызков и бутылок мартини галстук Семы! Тот самый, в котором он был вчера в театре.

– Может, ты перепутала?

– Яблоки у Регины в вазе были любимого Семей сорта. Он только такие и ест. А из напитков предпочитает мартини, и опять же марка была та самая, которую он любит. Регина все спланировала. Она заранее подстроила ситуацию таким образом, чтобы заманить Сему к себе. Приехала к нему домой, дождалась его, а потом увела к себе. Он был у нее прошлой ночью, в этом у меня нет никаких сомнений.

– Но без ее показаний мы ничего доказать не сможем. Камер наблюдения я тут не заметил.

– Пройдемся по соседям, возможно, кто-нибудь из них запомнил визит Семы.

Увы, поход по соседским квартирам толку не дал. Никто их жильцов не смог припомнить, чтобы видел прошлой ночью Сему в их доме. Вообще, тут люди очень мало интересовались чужими проблемами, предпочитая решать свои собственные. Да и времени, и сил, чтобы совать нос в дела других, у жильцов этого дома после тяжелой рабочей смены почти не оставалось.

Фима уныло поникла, осознав, что никто им не поможет.

– Зачем Регина так себя ведет? – спросила у Арсения. – Почему врет, что Семы у нее не было?

– Ты и в самом деле не понимаешь?

– Нет.

– Это месть. Он ее обидел, унизил, выгнал. А теперь он находится в зависимом от нее положении. Кроме того, как жена она имеет полное право въехать в его квартиру и находиться в ней, сколько ей заблагорассудится. И теперь уже никто не посмеет ее выгнать оттуда. Кроме того, подозреваю, что она также имеет или надеется получить в скором времени доступ к части семейных активов. Возможно, продать она их не сможет, но попользоваться – запросто.

– Это как?

– Если Сему посадят в тюрьму за убийство, то он не смо-

жет активно протестовать против того, чтобы Регина пользовалась всем его добром.

– И что? Только ради этого она врет насчет алиби?

– А тебе кажется это недостаточным мотивом?

– Но как же быть? – Фима была в отчаянии. – Пусть теперь Сема сидит, пока его женушка будет гулять напропалую и кутить со своими любовниками на деньги мужа?

– Лично у меня есть только одна идея. Мы с тобой должны найти настоящего преступника. И тогда твой брат и его новая невеста будут свободны.

Это была отличная идея. Она Фиме очень понравилась. Была лишь одна-единственная загвоздка – ни Фима, ни Арсений даже не догадывались, с какой стороны подступиться к поискам убийцы певицы. Во всяком случае, Фима точно не догадывалась.

Но Арсений держался куда бодрей.

– Ничего, ничего, безвыходных ситуаций не бывает, – сказал он. – Пройдемся для начала по ближайшим магазинам. Мартини и яблоки сами собой дома у Регины не появились. Конечно, она могла купить их заранее, но что-то мне подсказывает, что их купил Сема.

– Так надо проверить его кредитку!

– Уже проверили. Если он и совершил эту покупку, то расплачивался наличными.

– Подожди, когда это ты успел проверить его кредитку?

– В тот момент, когда его задержал. Хотел убедиться, что

мы с ребятами все делаем правильно. Если бы в тот момент, когда убивали Евдокию, наш Сема покупал яблоки на другом конце города, это стало бы для него неплохим оправданием. Но, увы, ничего такого зафиксировано не было.

– Арсений! Ты такой молодец! Ты столько сделал, чтобы помочь Семе! Значит, ты не веришь, что это он убил певицу?

– Как-то не вяжется у меня образ твоего зануды-кузена и убийцы, действующего столь спонтанно. Если бы он даже захотел помочь Алечке избавиться от ее врагини, то выбрал бы какой-нибудь менее кровавый способ. И не стал бы так глупо подставляться с лекарственными препаратами, использование которых в деле об убийстве сразу же указывает на фармацевта.

– Сема – химик.

– Все равно он работает на фармацию. И он достаточно умен, чтобы использовать другое оружие.

Фиме ее двоюродный братец никогда особенно умным не казался. А уж после того как он умудрился втрескаться в болтушку Алечку, и подавно. Но ей захотелось узнать, откуда у Арсения взялись такие мысли.

– Я на протяжении всего допроса чувствовал, что подозреваемый что-то от нас скрывает. Мы несколько раз спрашивали, есть ли у него алиби. И он упрямо твердил, что не может нам сказать, где и с кем он провел ту ночь.

– Да он просто дурак! Почему он не сказал про Регину?

– Вероятно, он не хотел, чтобы об этом стало известно

кому-либо.

– Он боялся потерять Алечку!

– Возможно.

– Подумал, если Алечке станет известно, что кавалер провёл ночь со своей женой, то она от него отвернется.

– Возможно.

– Так оно и есть! Он втрескался в эту Алечку!

– Возможно.

Тут уж Фима не выдержала:

– Что возможно? Заладил одно и то же повторять! Почему ты не веришь, что Сема просто боялся, что выплывут его ночные посиделки с женой и Алечка от него отвернется?

– Во-первых, у них с Алечкой роман только в самом начале. Между ними ещё ничего не было, так?

– Ну... Так.

– Значит, он вполне мог бы соврать своей возлюбленной, что с Региной они как раз и обсуждали их будущий развод.

– Ночью? У нее дома?

– Ничего особенного. Не мог ждать до утра. Понял, что влюблен, помчался к Регине, потребовал развода.

– И задержался у нее до утра?

– Об этом необязательно сообщать. Нас интересовал вполне конкретный промежуток времени. Его Сема и мог указать в своих показаниях. Но он почему-то этого не сделал. И это заставляет меня думать, что есть еще кто-то, кто ни в коем случае не должен узнать о его встрече с Региной.

К этому времени они уже стояли у дверей магазинчика, в котором торговали всем понемножку. И стоило сыщикам туда зайти, как Фима радостно вскрикнула и протянула руку в сторону полок с винно-водочной продукцией. Бутылка мартини со знакомой этикеткой не просто продавалась в этом магазине, но еще и шла со значительной скидкой. Точно так же, как и любимые Семей яблоки. Уж против такого сочетания скуповатый кавалер просто не смог бы устоять, это для сыщицы было очевидно.

Глава 4

К огромному ее разочарованию, кассирши не смогли вспомнить, отоваривался ли у них прошлой ночью такой покупатель.

– Вы посмотрите, он мог быть вместе с этой женщиной.

– Женщину знаем, – согласилась кассирша, посмотрев на фотографию Регины. – Это наша постоянная покупательница.

– Так она была у вас вчера вечером?

– Может, она и была. Нас тут не было.

Оказалось, что сегодня в магазине работает другая смена.

Но Арсений не смутился.

– У вас же в торговом зале ведется постоянная видеофиксация.

– Куда без этого!

– Тогда по камерам можно будет увидеть, был ли интересующий нас человек среди ваших покупателей.

– Это вам к администратору надо.

Администратором оказалась невысокая и бойкая молодая девушка, которая, несмотря на юные годы, выглядела уже порядком замордованной тяжелой работой.

– Что? Полиция? Только этого мне не хватало!

– Вы нам поможете?

– Сейчас никак не смогу! Принимаю товар.

– Вы не понимаете, произошло убийство. И если...

– Нет, это вы не понимаете! – отрезала администратор. – Я не знаю, кого там убили, но если я в положенные сроки не приму товар, то прикончат уже меня! Вам это нужно?

Однако, узнав, что им всего лишь нужен доступ к просмотру отснятого камерами видеоматериала, администратор быстро повеселела.

– Так это вы и без меня справитесь! Лена! Покажи гражданину полицейскому, что он там хочет!

Лена выгружала банки с кофе из коробки, из таких же или похожих коробок перед ней высилась целая башня, и девушка выглядела тоже порядком запаренной жизнью и всем происходящим. Видимо, прием товара был горячим временем в магазине.

Лена с радостью скинула свою работу на пробежавшего мимо парнишку-грузчика и, окончательно повеселев, отправилась вместе с сыщиками в подсобное помещение. Все-таки до чего приятно, когда одно твое появление делает людей хоть чуточку счастливей.

Сбагрив сыщиков на девушку Свету, которая немножко разбиралась в работе камер слежения, Лена ретировалась обратно в торговый зал. На экране компьютера было видно, что она сначала о чем-то долго совещалась с администратором, которая вдруг забыла про всякий товар и оказалась совершенно свободна, а потом они вдвоем утянули оставшиеся закрытыми коробки назад на склад.

Наблюдая за их действиями, Арсений задумчиво поинтересовался:

– А что это у вас приемка товара в такое неподходящее время? Ночь на дворе, а вам продукты привезли.

Света моментально заскучала, как до того скучали две другие ее товарки. Но, узнав, что именно господ полицейских интересует, отчего-то вновь повеселела. Просто какие-то чудеса происходили в этом магазине. Всех радовало случившееся убийство. И ведь они даже не знали, кого именно убили. Или знали? Фима уже ничего не могла сказать точно. Оставалось стоять, смотреть и слушать.

– Если вас интересует вчерашняя ночь, так нет ничего проще. Сейчас все найдем и посмотрим!

Отсчитав, сколько примерно времени понадобилось бы Семе на дорогу от его дома до дома Регины, сыщики пристально уставились на экран. В зале царила суета. Там снова тащили коробки, торопливо вытаскивая из них пакеты, банки и бутылки. Похоже, у них в магазине новый товар всегда приходил по ночам. В означенное время у кассы появилась Регина.

– А вот и Сема!

– Лица не видно.

– Это он! Он тоже с ней! Платит наличными! Вот болван!

Они досмотрели запись до конца, но ни разу противный Сема не повернулся лицом к камере. Регина вертелась рядом с ним, у нее можно было разглядеть каждую черточку на ли-

це, но Сема стоял, словно заговоренный, спиной к камерам.

– Ничего не получилось, – с огорчением произнесла Фи-
ма.

– Подожди, еще не все потеряно. Взгляни, как долго он
разговаривает с кассиршей. Похоже, у них спор.

Между Семой и теткой за кассой и впрямь происходила
какая-то словесная перепалка, в ходе которой кассирша даже
встала и демонстративно покинула свое рабочее место.

– Они поцапались. И это был конец ее рабочей смены. Ес-
ли мы найдем эту женщину, то сумеем найти свидетеля, ко-
торый подтвердит, что в момент убийства Евдокии подозре-
ваемый был совсем в другом месте.

Узнать адрес кассирши оказалось не так-то просто. Узнав,
что им нужно, администратор вдруг перестала понимать че-
ловеческую речь. Арсений не отступал.

– Поймите, нам нет дела до тех махинаций, которые вы у
себя в магазине крутите. Хотите торговать левым товаром,
мне до этого нет никого дела. Мы с коллегой расследуем
убийство. И нас интересует только оно и ничего больше.

После этого заявления администраторша стала чуть более
разговорчивой и все же не преминула сообщить, что работа-
ет их магазин исключительно в правовом поле, ни про какие
махинации никто тут сроду не слышал, и все их сотрудники
должным образом оформлены, а некоторые так даже имеют
при себе санитарные книжки. Это прозвучало из ее уст с та-
кой гордостью, что стало ясно: надо нести медаль или даже

орден. И лишь после того, как Арсений сто раз клятвенно заверил администратора, что верит ей целиком и полностью, необходимый ему адрес был получен.

– Очень надеюсь, что живет она где-нибудь поблизости.

– Обычно так и бывает. Зарплаты в таких магазинах невелики, люди стараются подыскать себе что-нибудь поближе к дому, чтобы не тратиться еще и на транспорт. Ого! Да это другой конец города!

– И что? Не поедем?

– Вряд ли это разумно. Уже ночь.

Но Фима считала, что им все равно нужно поехать. Ночь или не ночь, но они на свободе, а бедный Сема в камере. И Арсений не стал с ней спорить.

Пока ехали, Фима кое-что сообразила:

– Раз уж ты озаботился алиби Семы еще раньше, то почему вы с коллегами не отследили машину Семы?

Арсений откликнулся не сразу. Он был занят. Во-первых, крутил рулем. Во-вторых, изучал присланное ему сообщение.

Фиме пришлось несколько раз повторить свой вопрос прежде, чем приятель ей ответил.

– Вообще-то я в первую очередь как раз этим и занялся. Но так уж получилось, что его машина всю ночь убийства стояла на охраняемой парковке.

– Значит, уехали они на такси?

– Они укатили на машине Регины. А если быть точным,

на одной из ее машин.

– На одной из ее машин? Я не ослышалась?

– Ты все услышала правильно.

– Тогда что-то я не совсем поняла.

– Я и сам в шоке, если честно, – признался Арсений. – Но ситуация интересная. Ребята по моей просьбе пробили бедную брошенку по различным базам данных, и выяснилась куча обстоятельств. Наша Регина вполне себе состоятельная дамочка, которой нет никакого резона держаться за средней руки инженера. И тот факт, что Регина после ссоры с мужем перебралась жить в крохотную студию на выселках, я могу трактовать только как ее очередную шутку над своим недалеким мужем.

– Так Регина богата?

– Очень.

– погоди, у меня в голове какая-то каша. Мы-то все привыкли думать, что Регина – это девочка откуда-то из маленького городка, без образования и специальности, единственная цель которой в этой жизни выскочить замуж за более или менее приличного мужчину, что Регина и сделала, окрутив нашего доверчивого Сему.

– Да, но только Регине состояние Семы было до лампочки. По самым приблизительным подсчетам, она раз в десять богаче его. И это только если рассматривать ее собственные активы. А там есть еще и семья.

– Семья! Она же сирота! Она нам сама так сказала.

– Вранье. У Регины есть папа с мамой, живые, здоровые и весьма преуспевающие. Кроме того, имеется два брата и их жены с детишками. Все родные Регины владеют каким-нибудь успешным бизнесом, а зачастую и не одним.

– Зачем же Регине понадобился Сема? Влюбилась она в него?

Но чего-чего, а влюбленной в своего мужа Регина никогда не казалась. И если раньше вся родня Семы была уверена, что Регина выскочила замуж за их мальчика исключительно с корыстной целью личного обогащения, то теперь Фима уже не была так в этом уверена. Если Регина богата, то зачем ей недалекий Сема, который и не красавец, и не хохмач, и вообще не пользовался никогда успехом у женщин.

– И это еще не самое интересное, что я могу рассказать про Регину. Оказывается, они с Семой вовсе не состоят в браке.

– Развелись!

– Никогда и не были женаты.

– Ну, это уж полная чушь! – возмутилась Фима. – Я была на их свадьбе! Прекрасно помню, как шумно и весело мы все погуляли. Мы даже удивлялись, как это Сема согласился на такую роскошь, и пришли к выводу, что любовь меняет человека.

– Вы и на самой росписи тоже веселились?

– Нет. На росписи никто из нас не был. Мы встретились уже позднее, в назначенном месте, куда Сема с Региной при-

катили на лимузине. Кстати, нас в этот парк тоже доставляли на лимузинах. Нам всем очень понравилось. Было лето. Сема пригласил множество артистов. Там были и жонглеры, и акробаты, и фокусники, и даже дрессировщики. Мы отлично развлеклись.

– Ничего удивительного, Регина как раз и является совладелицей парка аттракционов. Небольшое заведение, колесит по провинциям, неплохо зарабатывает в сезон.

– Также там стояли шатры, под которыми мы и расположились. Столы буквально ломились от всякой всячины. И выпивки было хоть залейся.

– Ничего удивительного. Один из братьев Регины владеет ресторанным бизнесом, летние террасы и выездные мероприятия – это как раз его конек. А папочка нашей Регины имеет связи в администрации, поэтому для свадьбы доченьки и была выделена часть парка, где установили и шатры, и аттракционы, и все прочее, что было необходимо для проведения свадьбы.

– Я тебе повторяю, никаких родственников Регины на свадьбе не было. Никого! Было несколько ее подружек, и на этом все!

– То, что родственники не явились на свадьбу, может говорить очень о многом.

– О чем, например?

– Ваша семья была уверена, что Сема совершил мезальянс, женившись на Регине. Но точно такого же мнения

могли придерживаться родственники самой Регины. По их меркам, Сема голый босяк и совершенно ничтожный тип, который самостоятельно даже самого хиленького бизнеса замутить не в состоянии.

– Но Регина замуж за него так и не вышла.

– Это знаем мы с тобой. И то лишь потому, что я покопался в ее истории. Для всех прочих Регина и Сема – это крепкая молодая семья, официально оформившая свои отношения. Только это иллюзия, обман.

– Регина сыграла свадьбу, как спектакль для своих родных! Она хотела позлить их! Знала, что они будут против муженька вроде Семы, вот и издевалась над ними.

– Мне кажется, тут есть еще кое-что, кроме банального желания подурачиться.

– Да уж, чтобы подурачиться, не станешь полгода жить с Семой.

– Ты его не слишком-то любишь, как я погляжу.

– Люблю, но он такой зануда! Ты бы знал!

– Значит, такой мужчина Регину по какой-то причине устраивал.

– Но если родные предоставили Регине помощь в организации ее свадьбы, значит, они о нем знали. И почему не явились на само мероприятие? Как бы ни были они недовольны свадьбой дочери, могли бы хоть ненадолго заглянуть.

– Их там точно не было?

– Абсолютно! Только родственники с нашей стороны, вся-

кие там тетушки и дядюшки Семы и прочая дальняя родня.

– Не явились либо потому что не были приглашены, либо потому что не одобряли этой свадьбы. И в том и в другом случае это говорит о серьезных разногласиях, которые имеются у Регины с ее семьей. И если их раздражало поведение Регины, если они хотели, чтобы она вернулась в родной дом, то вполне могли подстроить дело так, чтобы Сема исчез.

– Они хотели его убить!

– Ну-ну! – осадил Фиму ее приятель. – Зачем такие жертвы? Вполне достаточно, если бы Сема отправился за решетку. Даже не обязательно, чтобы на всю жизнь. Несколько лет разлуки вполне бы хватило, чтобы остудить пыл Регины и заставить ее переключиться на какую-нибудь новую забаву. Девушка она избалованная и капризная подобно многим деткам современных нуворишей.

– Не знаю, чем уж им так Сема плох. Да, он не богач, но вполне состоятелен.

– Только не по меркам семьи Регины. То, что я тебе назвал, лишь вершина семейного айсберга. Дядя Регины имеет депутатскую неприкосновенность, ее двоюродный брат ворочает нефтяной отраслью, другой плотно засел в айти-технологиях, получая для своих компаний огромные субсидии из бюджета. При этом в семье рождаются сплошь братья, и среди них одна лишь девочка, Регина – всеобщая любимица. Совсем не такого мужа они хотели для своей красавицы.

– Если уж Сема был им как бельмо на глазу, могли бы его

устранить радикально. К чему эти изыски с убийством Евдокии? Наняли бы парочку головорезов, которые бы и прикончили Сему, сделав Регину вдовой.

– Возможно, побоялись.

– Чего?

– Гнева Регины, например. И ее непредсказуемого характера. Одно дело, если она приползет обратно в семью вся раздавленная и в слезах поведает, какой негодяй достался ей в мужья. Убивает старых певиц, совсем страх и совесть потерял. И совсем другое дело, если она поимеет зуб на свою семейку за убийство мужа, как они уверены, горячо ею любимого.

– Кстати, ты тут заговорил о том, что у Регины огромное количество братьев...

– Ну, не огромное, двое родных и двое двоюродных.

– Я тут подумала про ее любовника. Регину обвиняли в супружеской измене. А была ли измена? Если Регина с братьями все так дружны и близки, то не мог ли кто-нибудь из братишек и навещать сестренку? А дурак вахтер вообразил себе невесть что.

– Очень может быть.

– Сема не пожелал разобраться или Регина не пожелала ему сказать правду в тот момент и была изгнана.

– Тогда не захотела, а спустя какое-то время пожелала? Почему? Что изменилось?

– Вопросов слишком много. Регина могла бы нам помочь,

но пока мы не припреем ее к стенке и не изобличим во лжи, она нам помогать не станет. Может, и потом не станет, но попробовать нужно.

К этому времени они уже стояли у подъезда дома, в котором жила кассирша. И пытались придумать благовидный предлог, под которым они смогут наведаться к даме глубоко в первом часу ночи.

– Чего там придумывать, как есть, так и скажем. Мол, ведем расследование убийства. Подозреваемого вы знаете, встречали в магазине. Отвечайте, на чем строилось ваше с ним общение.

Все это им пришлось изложить трижды, стоя перед закрытой дверью. В квартире кто-то вздыхал, мялся, но дверь не открывал и уходить от двери тоже не уходил. Это вселяло надежду в сыщиков.

Наконец человек за дверью убедился, что покоя ему не будет, и произнес:

– Убирайтесь! Или я вызову полицию.

– Там мы уже тут!

– А я вам не верю. Может, вы грабители и бандиты, которые лишь притворяются сотрудниками полиции.

– Я же вам удостоверение показал.

– Прямо смешно, – отреагировал голос. – У меня у самой таких удостоверений полная тумбочка.

– Точно таких?

– Ну, не таких, конечно, но что вам нужно?

– Хотим поговорить про вашего покупателя, с которым у вас в конце смены произошел конфликт на кассе.

– А в чем дело?

– Он подозревается в совершении особо тяжкого преступления. О чем вы с ним говорили?

За дверью раздался тяжелый вздох.

– Из какого вы отделения?

Арсений назвал.

– Как ваша фамилия?

Арсений назвал и свою фамилию.

– Ждите. Сейчас я свяжусь с вашим отделением, если подтвердят, что вы – это вы, тогда открою.

Тетка оказалась настырной. Она узнала телефон дежурного, дозвонилась до отделения, убедилась, что такой сотрудник у них числится, но это ее не успокоило, и она захотела получить фотографию Арсения. Пришлось Арсению звонить, договариваться, чтобы тетке выслали его фото, только после этого она еще какое-то время попыхтела возле дверного глазка и открыла дверь.

Фима еле удержалась, чтобы не ойкнуть от радости. Это была та самая кассирша, с которой ругался Сема. Они видели ее на записи из магазина.

– Девушка тоже из ваших? – мрачно спросила она у Арсения.

– Из наших.

Кассирша какое-то время смотрела на Фиму, и девушка

испугалась, что тетка сейчас примется выяснять и ее подноготную тоже. Узнает, что никакая Фима не сотрудница, и откажется с ними разговаривать. Но обошлось.

Свидетельница перевела взгляд на Арсения и проворчала:

– Ладно, пусть девушка тоже заходит, но под вашу ответственность. Эх, ни за что бы вам в такое время дверь не открыла, но очень уж этого типа засадить хочется. Вы же его посадите?

– Обязательно! Как только докажем его вину, так сразу и передадим дело в суд.

– В суд... Лучше бы вы его сразу пристрелили! Таких типов лучше сразу стрелять, чтобы они хорошим людям настроение не портили.

– Расскажите, по какой причине у вас с ним конфликт получился?

– Расскажу. За этим я вам дверь и открыла.

И тетка пустилась в повествование. Поговорить она любила. И ее даже не смущал поздний час. В этом сыщикам повезло. Не повезло им в другом. Свидетельские показания этой дамы было очень трудно направить в требуемое им русло. Она могла рассуждать о чем угодно, но только не о деле.

– Я женщина слабая, меня всякий обидеть может. Сызмальства от людей обиды терплю, всю жизнь мне препоны ставят. Никто меня не любит, никто мне не помогает. Такое впечатление, что, куда ни сунусь, всюду для меня двери закрыты. Вот продавцом в магазин устроилась, туда всех под-

ряд берут, а меня почти месяц мурыжили, все думали, го-
жусь я им или не гожусь.

– Но ведь взяли в итоге!

– Взяли, а что толку? Зарплата – кот наплакал. Работать приходится от зари и до зари. Уважения от начальства ника-
кого. Да еще клиенты нороят скандал устроить.

– Вы имеете в виду интересующий нас объект?

Арсений уже продемонстрировал фотографию Семы, кас-
сирша его опознала, но это не слишком помогло делу.

– Да при чем тут этот докторишка!

– Почему вы его так называете?

– Таблетками от него пахло. Аптечный запах. Да не в нем
дело, а в его подружке.

– А с ней что не так?

– Уж не знаю, как этот убогий нытик сумел отхватить се-
бе такую кралю, только за ней не он один гонялся. Перед их
приходом явился ко мне молодчик, такой весь сам из себя
упакованный, и говорит, если поможешь мне, то я тебе де-
нег на телефон скину. Деньги всем нужны, а по нему видно,
что не понтуется, деньги у него и впрямь есть. Роба из себя
вся такая гладкая, а глаза пустые, такие только у сынков бо-
гатеньких родителей бывают, которым ни за кусок хлеба ду-
мать не надо, ни за что, одним словом, не надо. Слово за сло-
во, завязался у нас с ним разговор. Сторговались мы с ним.
И объяснил он мне, что эту кралю нужно от магазина нашего
отлучить. Мол, нельзя у нее наличные принимать. Ни в коем

случае нельзя.

– Почему?

– Вот я тоже удивилась. Неужели, говорю, деньги фальшивые? А он смеется. Деньги, говорит, самые настоящие. Но если она придет, ты откажись ее обслуживать. И другим кассиршам скажи, чтобы так делали. Мол, карты у этой крали все заблокированы, если покупать ей что-то для себя, только на те наличные, что сумеет наскрести. Но он хочет ее и этой возможности лишиться.

– Так она в другой магазин отправится.

– Я ему тоже так сказала. А он хохочет, мол, поблизости других магазинов нет. За продуктами либо на такси ехать, либо к вам. А у нее якобы денег должно остаться в обрез, только на еду. Не поедет она на такси никуда. А если и поедет, то это ее проблемы, этого он и добивается.

– Чем же она ему так досадила?

– Не досадила, а он хотел, чтобы она к нему обратилась за помощью. Такую трогательную историю рассказал, вы не представляете. Мол, любит он ее до умопомрачения, дня без нее прожить не может, все для нее готов сделать. Так завернул, что у меня даже слезы на глазах навернулись. Почему, думаю, одним все, а другим ничего? Почему ту кралю такой симпатичный кавалер обожает, горы ради нее свернуть готов, а у меня даже захудалого полюбовника не имеется! Никому я не нужна, получается, на всем белом свете ни единой души нет, кто бы меня полюбил.

Тетке так стало себя жалко, что слезы сами собой хлынули у нее из глаз. Поплакав, она пожевала какую-то завалявшуюся в треснутой вазочке сушку и продолжила рассказ:

– В общем, договорились мы с ним. Я ему объяснила, что могу работу потерять, а он меня заверил, что за такое максимум премии лишат. Дал он мне денег, а я решила, может, обойдется и не придет его краля. Но только зря надеялась, пришла она тем же днем, и как она к кассе подходила, я ей в оплате наличными отказала. Она психанула, скандал учинила, но я на своем стояла. Администратор подошла, я испугалась, что она начнет за клиентку заступаться, а она, наоборот, на мою сторону встала. Тогда я и поняла, что тот хахаль имел в виду, когда говорил, что проблем у меня не будет. Видимо, он заранее уже с администратором переговорил. В общем, ушла та краля от нас без покупок, а вечером снова приходит. На сей раз не одна, а с этим нытиком. Только не вместе заходят, а по очереди. И я так поняла, что она ему велела что-нибудь купить за наличные. Он все покупает, а когда до дела доходит, я у него наличные принимаю, а тут эта краля подскакивает и начинает вопить, почему я у других людей наличные принимаю, а у нее не хочу брать. И этот нытик, будто бы что-то из себя представляет, тоже мне выговор делает. Мол, я своих служебных обязанностей не знаю, меня уволить надо. И говорит, что напишет на меня жалобу и добьется, чтобы меня лишили премии. Тут уж я психанула, потому что, получается, если я без премии останусь, то

окажется, что никакой выгоды я со всех этих чужих розовых соплей не поимела. А я женщина бедная, заступиться за меня некому. Если сама о себе не позабочусь, никто не позаботится. И я этой крале и ее ухажеру скучному прямо так и выложила, чтобы краля со своими хахалями сама разбиралась. Кто ей там покупает, когда и за какие заслуги. А то ходят сюда, честным людям мозг выносят. Тут уж нытик смекнул, что он у крали не один такой, кто ей все покупает, обиделся пуще прежнего, но не на нее, а на меня. Зачем это я сую нос в чужую личную жизнь и позорю своими наветами приличную замужнюю женщину. Тут уж смекнула, что нытик – это законный муж крали, а тот красавчик – это ее ухажер. Получается, что у нее и муж имеется, и любовник есть, и оба они ради крали на всяческие подвиги готовы. А я? А у меня что? Расстроилась я, психанула совсем уж сильно, кассу закрыла и ушла. Плевать, уволят так уволят. Пусть без меня там свои отношения выясняют. Тоже мне, Отелло и Дездемона!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.